

Феофан-затворник

Письма о духовной жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф42

Ф42 **Феофан-затворник**
Письма о духовной жизни / Феофан-затворник – М.: Книга по Требованию,
2025. – 296 с.

ISBN 978-5-521-28084-1

ISBN 978-5-521-28084-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПИСЬМА О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вамъ желательно знать мое мнѣніе на счетъ писемъ графа Сперанскаго о духовной жизни. Съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе. Но вооружитесь терпѣніемъ, потому что мнѣ пришла охота не ограничиваться краткими замѣтками, а повести пространную бесѣду о предметахъ, затронутыхъ въ упоминаемыхъ письмахъ. Что предметы эти сто́ятъ того, объ этомъ и говорить нечего. Но и письма такъ сложны, что невольно вызываютъ на размышленіе.

Такъ видите, графъ Сперанскій проходитъ духовную жизнь. Государственный человѣкъ, почти непрестанно занятый то

административными учрежденіями, то улучшеніемъ порядковъ государственной жизни, находилъ возможнымъ умно и сердечно пребывать въ Богѣ, всеправящемъ, вездѣсущемъ, всевидящемъ. Это приводитъ мнѣ на память обычную отговорку, которою свѣтскіе люди прикрываютъ свое нехотѣніе потрудиться, какъ слѣдуетъ, надъ дѣломъ Божиимъ, дѣломъ своего спасенія: „гдѣ ужь-дескать намъ!“ Сперанскій обличаетъ ихъ фактически, и не онъ одинъ, но и другіе многіе. Помнится, ту же отговорку обличалъ и старецъ Василій, въ своихъ предисловіяхъ къ статьямъ Добротолюбія объ умномъ дѣланіи или молитвѣ, помѣщенныхъ въ жизнеописаніи старца Паисія Нямецкаго. „Смотри,“ говоритъ, „какую высокую жизнь проходили люди, занятые по долгу внѣшними дѣлами,“—и перечисляетъ ихъ. Таковъ былъ домоправитель вельможа, о которомъ упоминаетъ Симеонъ, новый богословъ, въ словѣ о вѣрѣ, помѣщенномъ въ Добротолюбіи; таковъ былъ патріархъ Фо-

тій, знакомый съ симъ дѣломъ до патріаршества, при трудахъ государственнаго секретарства: таковы были и другіе патріархи, у которыхъ на рукахъ лежало управленіе церковными дѣлами, большею частію внѣшними, довольно хлопотливое. Старецъ Василій, выставляя этихъ дѣятелей духовныхъ, среди внѣшнихъ обязательныхъ дѣлъ, имѣлъ въ виду расположить ревнителей благочестія къ тому же роду жизни, въ свое время. Не удастся ли и намъ съ вами подвигнуть кого либо на подобные же опыты, представивъ имъ картину духовной жизни, какъ ее живописуетъ Сперанскій въ своихъ письмахъ, конечно, съ собственнаго своего опыта.

Что мысли Сперанскаго браты съ своего собственнаго опыта; что онъ говоритъ о томъ, что самъ проходилъ дѣломъ, — это видно изъ самыхъ рѣчей его. Онъ изображаетъ дѣло духовной жизни въ настоящемъ видѣ и очень здраво. Пробѣжавъ наскоро въ первый разъ эти письма, я думалъ было

обличать неправости ихъ; но, вникнувъ потомъ получше во все высказанное въ нихъ, отказался отъ этого несправедливаго покушенія. Тутъ невѣрны только нѣкоторые термины и фразы, заимствованные не изъ нашихъ книгъ. Стоитъ только дать этимъ выраженіямъ настоящій смыслъ, какой они должны имѣть по ходу мыслей, и для критики не останется мѣста. Да и вообще критиковать мысли о духовныхъ предметахъ очень неудобно. Состоянія духовныя похожи на прохожденіе по комнатамъ, полнымъ разнообразныхъ предметовъ, которыя неодинаково видятся съ неодинаковыхъ точекъ зрѣнія. Проходящій одно видитъ, а другое не видитъ, потому что оно заслонено чѣмъ нибудь; и что видитъ, то видитъ со стороны къ нему обращенной, которая можетъ имѣть черты, не похожія на черты противоположной стороны, видимой другимъ зрителемъ. И даже общій обзоръ можетъ быть неодинаковъ при разности мѣстъ, съ которыхъ смотрятъ; а тутъ

свѣтъ и тѣни, своя сила зрѣнія, и взаимное соотношеніе предметовъ оказываютъ вліяніе на понятія зрителя. Все это приложимо и къ пишущимъ о духовныхъ предметахъ. Когда пишущій пишетъ съ своего опыта, надобно принять то, какъ онъ свидѣтельствуешь. Несправедливо и подозрѣвать его въ неискренности и мѣрять своею мѣркою. Только теоретики, рѣдко попадающіе на истину въ своихъ умозрѣніяхъ, подлежатъ суду, — и суду не умозрѣнія, а опыта.

При всеиъ томъ нахожу совершенно справедливымъ отличать въ письмахъ Сперанскаго намеки на свои духовныя состоянія, взглядъ самого Сперанскаго на эти состоянія, и его собственный языкъ о томъ. Послѣднія два—лично принадлежатъ Сперанскому, первыя—общее достояніе. Полагаю, что можно бы иначе подумать и иначе высказаться о своихъ состояніяхъ. И если вы увидите какую разность въ моихъ рѣчахъ съ рѣчами графа Сперанскаго,—

она будетъ касаться именно этого необходимаго различенія. Мои рѣчи будутъ идти параллельно рѣчамъ Сперанскаго. Это будутъ двѣ картины,—одна противъ другой. Разница вся, можетъ быть, будетъ въ томъ, что въ одной будетъ свѣтъ и тѣни, а въ другой одни общія очертанія.

Мнѣ приходило на мысль, не лучше ли было бы собрать въ одно все, высказанное графомъ Сперанскимъ о духовной жизни, чтобы полнѣе охарактеризовать его самого съ этой стороны, какъ онъ охарактеризованъ со стороны общественной дѣятельности. Но это повело бы насъ на долгій и далекій трудъ, а между тѣмъ, можетъ быть, и не придется достать все, сюда относящееся. Потому, оставляя этотъ замыселъ, не безынтересный, постараюсь удовлетворить вашему желанію, ограничивая мою рѣчь кругомъ понятій, выраженныхъ въ подлежащихъ письмахъ.

Составитель предисловія къ письмамъ графа Сперанскаго говоритъ, что въ нихъ

высказался созерцательный *квіэтизмъ* великаго труженика. Останавливаюсь на этой фразѣ, дабы сказать, что нельзя безъ разбора употреблять это слово, выражающее неправоe направленіе внутренней жизни, равно какъ и мистицизмъ, — всякій разъ, какъ случится встрѣтить чью либо рѣчь духовной жизни; вѣдь и истинная христіанская жизнь есть жизнь, доставляющая глубокій покой, сокровенная и таинственная. Сперанскій не былъ ни *квіэтистъ*, ни мистикъ, хоть и говоритъ словами мистиковъ, и даже рѣчи свои называетъ мистическимъ богословіемъ. Онъ былъ человѣкъ, развившій въ себѣ полную христіанскую жизнь, и, утвердившись духомъ въ Богъ и Господъ Іисусъ Христъ, всѣ прочія силы души и тѣла обращалъ на служеніе Богу, исполненіемъ Его заповѣдей во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни, во славу Божию и спасеніе свое и братій своихъ о Господѣ. Такова норма христіанскаго совершенства, и онъ приближался къ ней, сколько это до-

ступно для человѣка въ семейномъ быту, и на административномъ и гражданскомъ поприщѣ. Наглядное оправданіе его отъ нареканій въ квіэтизмъ и мистицизмъ представляютъ его молитвенное обращеніе къ Божіей Матери, къ ангелу-хранителю, его говѣніе, исповѣдь и причащеніе, чтеніе слова Божія и простое его пониманіе, а тѣмъ паче чтеніе житій святыхъ. Все это такія занятія и дѣйствія, на которыя ни за что не согласится самый плохой мистикъ и квіэтистъ. Что языкъ похожъ на языкъ мистиковъ западныхъ, это, вѣроятно, потому, что онъ писалъ къ лицу, знакомому только съ западными писаніями о внутренней жизни, и что самъ, перечитывая эти писанія, вмѣстѣ съ тѣмъ лицомъ и, можетъ быть, для него только, невольно набрался и оборотовъ ихъ рѣчи. Его же собственный языкъ, конечно, былъ языкъ православно-церковный, языкъ св. отцовъ и Добротолюбія, о которомъ онъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ. Потому-то графъ

Сперанскій и избѣжалъ уклоненій отъ истины, что напередъ зналъ изъ этихъ вѣрныхъ источниковъ точную характеристику сокровенной во Христѣ жизни, и несмотря на то, что читалъ полныя заблужденій писанія западниковъ, соблюлъ трезвость мысли, какъ пишетъ тотъ же составитель предисловія, то есть, здоровое воззрѣніе на внутреннюю во Христѣ жизнь, и умѣлъ провести вѣрную черту между ею, какъ она есть, и между тѣмъ, какъ изображаютъ ее лже-мистики.

Мистицизмъ и квіэтизмъ суть болѣзненныя порожденія ложно направленной религіозности. Они явились и возможны были только на западѣ, въ отпадшихъ отъ св. Церкви христіанскихъ общинахъ, и преимущественно во время броженія умовъ, произведеннаго протестантствомъ и реформаціей. Они искали добраго дѣла, — живаго общенія съ Богомъ, но не тѣмъ путемъ искали; а главное, надѣялись своими усиліями и какбы по праву завладѣть тѣмъ,

чего надлежало ожидать отъ милости Божіей, и что надлежало принять, какъ даръ этой милости. Въ напряженіяхъ этой само-надѣянной самодѣятельности разгаралось воображеніе, и порождало мечтательныя ожиданія, которыя, какъ жарко желаемыя, скоро показались и сочтены исполнившимися, и цѣль трудовъ достигнутою. Все это раскрашивалось самыми привлекательными красками, и представлялось въ образахъ прелестныхъ, въ мечтательныхъ заоблачныхъ созерцаніяхъ. Писанія ихъ за-влекаютъ, — ибо говорятъ о дорогихъ сердцу предметахъ, но они только манутъ, а ничего не даютъ. Это отличительная черта всѣхъ ихъ.

Истинная во Христѣ жизнь есть жизнь сокровенная, таинственная (мистическая). Апостолъ Павелъ называетъ ее *животомъ, сокровеннымъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3); апостолъ Петръ — *потаяннымъ сердца чело-вѣкомъ* (1 Петр. 3, 4); самъ Спаситель — *цар-ствіемъ Божиимъ внутри насъ* (Лук. 17, 21).